

Кацуки знал, что лучше не надеяться на стажировку на весенних каникулах. Без временной лицензии он был не более чем прославленным мальчиком на побегушках в любом агентстве, которое его брало на работу. Тем не менее, было бы неплохо отрезать несколько закадычных друзей и показать Бесту Джинисту, сколько именно он может надрать.

Вместо этого все началось с The Talk.

Сразу после окончания учебного года Незу, Бест Джинист, полицейский детектив и один из воротил комиссии, вытаскивал все акты домогательств, которые он

совершал в средней школе. Отредактированные отчеты учителей, скрытые жалобы от родителей, у них даже была его в 4К, они толкали Деку, ломали его вещи, поджигали его одежду случайным хлопком его причуды. Они сказали, что им потребовалось так много времени, чтобы вести этот разговор, потому что его средняя школа похоронила все для него.

Рассматривая каждый подлый поступок, который он совершил, они также объяснили уголовные обвинения, которые могут быть выдвинуты против него. Окончательный

подсчет составил три года в центре содержания под стражей для несовершеннолетних, и это было только потому, что он был несовершеннолетним. Взрослый

приговор составил бы два десятилетия.

Несмотря на все это, Кацуки почувствовал, как здание рушится вокруг него. Он думал, что знает, что напортачил из своих разговоров с гончей собакой, но это? Сидя в этом крошечном деревянном кресле, судимый по каждому волоску, который он опалил на голове Изуку, я понял, насколько он был куском дерьма. Его мать

была права. Его дерьмовое отношение действительно разрушило для него все.

И вот, подумал он, все кончено. Разговор был заглушен пронзительным звоном в ушах, и он чувствовал, как его дыхание выходит из-под контроля. Разговор

продолжался до тех пор, пока Бест Джинист не заметил, что он отступает. Понадобился долгий глоток чая Незу, чтобы вернуть его в реальность.

Реальность была такова, что им было все равно. Они собирались замести его под ковер, как и Альдера. Он просто должен был быть хорошим маленьким мальчиком, не пинать щенков без причуд и вести себя как милый герой в джинсовой одежде в течение всего месяца, а не двух недель, как все остальные, весь чертов месяц,

который у них был в школе. Скука сидеть без дела и разочарование от того, что его мать кричала на него неделями подряд, прошли. Это было похоже на чертову

награду.

Конечно, они бросались оправданиями, такими как «он показал замечательный прогресс за последний год» и «ваша средняя школа не смогла направить вас так, как

она должна была», но факт был в том, что он был запутан. Он знал это, они знали это, и они все еще позволяли ему быть героем.

Конечно, этот статус героя висел на волоске. В его послужном списке была постоянная

красная карточка, которая следовала за ним на протяжении всей его

карьеры. Один неверный шаг, и с ним покончено. Он мог бы поверить им, если бы давным-давно не проложил себе путь через все кольца ада.

После этого Бест Джинист привел его в свое агентство. На протяжении всей поездки Кацуки чувствовал, как глаза героя прикованы к нему, оценивая каждое его подергивание и выражение лица. Сначала он изо всех сил старался встретиться с этим взглядом, но чувство вины за то, что он пинал своего лучшего друга в грязь в

течение девяти лет, заставило его отвести взгляд.

Когда Кацуки впервые вошел в агентство Jeanist, он чуть было не принял его за любимый салон своей мамы. Стены были облицованы зеркалами и средствами по

уходу. Беспорядочные пучки волос и выброшенные бумажные полотенца, испачканные косметикой, усеяли деревянный пол вокруг стульев, пока тощий

старшеклассник не сметал их. Парикмахеры и визажисты кружили вокруг закадычных друзей в парикмахерских креслах, суется над их внешностью, пока они не

выглядели готовыми пройти по подиуму.

— Неужели все это необходимо? — спросил Кацуки, когда они проходили через салон в офис.

«В наши дни внешность - это все», - сказал Бест Джинист. «Ухоженное лицо легче узнать и отличает вас от злодеев».

Кацуки поморщился от джеба. То, как «Лучший джинист» бросил немного тепла в конце, показало, что именно герой относился к «Разговору».

Когда Бест Джинист заставил его надеть костюм, Кацуки был в восторге. Наконец-то появился шанс расслабиться, избавиться от неприятных ощущений, кипящих в

груди. Однако в отдельной комнате, в которую его привел Бест Джинист, не было ни мягких стен, ни тренировочных манекенов. Все, что у него было, это зеркало, парикмахерское кресло и худой, непритязательный мужчина в парикмахерском фартуке.

Сбитый с толку, Кацуки сел в кресло и терпеливо сидел, пока мужчина причесывал волосы обильным количеством геля для волос. Как только мужчина закончил, Кацуки едва узнал себя. Дикие, колючие волосы, которые он тайно любил, были спутаны в бледную имитацию собственного стиля Best Jeanist.

«Это твоя тренировка».

— А? Кацуки был слишком смущен, чтобы разозлиться.

«Вы не будете ходить в патрули. Вы тоже не будете спарринговать. Вместо этого вы будете тратить свое время на помощь художникам-дизайнерам».

Кацуки почувствовал, как его кровь закипела. «Что это за дерьмовая стажировка?»

В тот момент, когда его гнев вспыхнул, его волосы вернулись в свою обычную колючую форму. Кацуки протянул руку и пощупал его. Его волосы имели восковую

текстуру, но легко сгибались под пальцами.

«Этот гель для волос предназначен для того, чтобы развязываться, когда вы выходите из себя. Если вы можете прожить целый день, не нуждаясь в новом пальто, мы

перейдем к следующему шагу».

Предоставьте это герою, который выглядел так, как будто он питался средствами личной гигиены, чтобы превратить гель для волос в режим тренировок.

Кацуки решил, что это будет не так сложно. Это была просто парикмахерская, как трудно было сохранять спокойствие? Все, что ему нужно было сделать, это расчесать волосы и нанести подводку для глаз. Возможно, он не заботился об этом, но его мама, модель до мозга костей, лично позаботилась о том, чтобы он знал,

как обращаться с набором для макияжа. Главный стилист был приятно удивлен, когда Кацуки назвал большую часть продуктов в своем ящике и оставил его работать

над помощником.

Его первая доза геля для волос не продержалась и тридцати минут.

Все, что потребовалось, это один чих. Он добавлял немного помады, когда мужчина чихнул, проведя толстую розовую линию по всей своей свеженапудренной щеке. Кацуки чуть не лопнул кровеносный сосуд из-за того, что вся работа была проделана. В ту секунду, когда у него выскочили волосы, главный стилист плавно отвел

его в сторону и взял на себя ответственность.

Вскоре Кацуки обнаружил, что профессия стайлера изобилует незначительными раздражениями. Волосы, которые отказывались оседать в том положении, в котором

он хотел. Темные мешки под глазами, которые отказывались исчезать независимо от того, сколько слоев тонального крема он навалил поверх них. Порезы, которые жалят при малейшем неправильном нанесении макияжа. Синяки, которые заставили его попробовать несколько кремов, пока он не нашел тот, который

соответствовал цвету лица закадычного друга. Жалобы на то, как медленно он двигается, как они опаздывают на патруль или фотосессию.

Хуже того, некоторые из помощников, узнав об упражнении, через которое он проходит, устроили игру, чтобы разозлить своего нового стажера. Некоторые

критиковали каждую порцию макияжа, которую он наносил, или заставляли его снова и снова расчесывать их волосы в разные стили, прежде чем остановиться на

первом, с которого он начал. Другие насмехались над ним, говоря, что, когда выступление героя не сработает, из него получится отличный стилист, или хвастались

тем, сколько злодеев они арестовали накануне вечером. Его называли такими именами, как Blasty Boy, Pop Rocks, Sparky и Boom Boom Man. Это еще больше разозлило

его, когда он понял, что это именно то, что он делал со всеми своими одноклассниками.

По прошествии целых восьми часов его передали в Hound Dog. Они часами говорили о салоне, или о средней школе, или о чем-то еще, что вываливалось у него из

рта, когда Кацуки распаковывал всю свою жизнь. После каждого сеанса он чувствовал себя выжатым, как будто каждое слово было тщательно выжато из него.

Это был гордый день для Кацуки, две недели спустя, когда он, наконец, отработал полную смену на одной ложке геля для волос. Он думал, что это конец

утомительной укладки волос. К следующему вечеру он уже скучал по нему.

Вторая фаза тренировочного режима Беста Джиниста из десятого круга ада, которую герой, несомненно, изобрел специально для него, включала в себя еще больше

проклятого геля для волос, кучу камер и микрофонов и самую необычайно взбешенную женщину, которую Кацуки когда-либо имел неудовольствие встречать за всю

свою жизнь. Учитывая, кем была его мать, это говорило о многом.

Бывший журналист таблоидов, ставший специалистом по связям с общественностью агентства, новый сержант Кацуки провел восемь часов, пихая камеры и микрофоны в лицо Кацуки, забрасывая его бесконечным шквалом вопросов и придирчиво к каждому его действию и слову.

В свой первый день Кацуки выпил целую бутылку геля для волос. Женщина знала, на какие кнопки нажимать, и ударяла по ним все одновременно дорожным катком. Не помогало и то, что она знала все в «Разговоре» и не боялась этим пользоваться.

В последующие дни мучения иногда длились час, и его отправляли к стилистам. В некоторые дни его жарили на гриле целых восемь часов, даже отвечая на вопросы

о глотках еды. В других случаях его полностью отпускали на сеансы с Hound Dog. Поскольку его альтернативой была расстрельная команда неудобных вопросов, Кацуки обнаружил, что почти наслаждается разговорами с Гончей Собакой о том, как он относится к себе.

Для этого потребовалась кровь, взрывной пот и слезы, но к концу стажировки он мог терпеть фальшивые пресс-конференции. Бест Джинист лично поздравил его с последним днем перед тем, как отправиться домой.

— Ты молодец, — сказал Бест Джинист. «Моим закадычным друзьям будет не хватать новичка, который действительно знает, как укладывать волосы».

Месяц назад он бы взорвался этим комментарием. Теперь, когда его волосы были зачесаны гелем для управления гневом, ни один волос не выскочил из места.

«Какой во всем этом был смысл? Чтобы я больше никогда не злился?»

Бест Джинист улыбнулся ему. — Конечно, нет. Злиться совершенно естественно, даже здорово. Это может помочь нам что-то сделать с нашими проблемами».

Судя по тому, как Бест Джинист подчеркивал свои проблемы, Кацуки вспомнил «Разговор». Все это было вызвано гневом, не так ли? Как гнев поможет в этом?

«Последнее, что я проверяю, злость сделало меня мудаком».

Бест Джинист поднял бровь, но пропустил ругань. «Смысл упражнений состоял в том, чтобы научить вас контролировать свой гнев, а не позволять ему

контролировать вас». Герой полез в один из карманов и протянул Кацуки знакомую бутылку. «Возьмите это у кого-то другого, кто чуть не разрушил свою карьеру

героя до того, как она началась. Гнев имеет свое применение, но только если вы тот, кто держит поводок. Удачи в учебном году, и я буду болеть за вас на

спортивном фестивале».

Его мама ждала его дома, скрестив руки на груди и нахмурившись: «У тебя большие проблемы». Кацуки предположил, что собака-мышь-медведь-что угодно-Нэдзу- разорвала метафорический мешок вдребезги.

Она закричала. Она кричала о том, каким милым мальчиком был Изуку, как, должно быть, чувствовала себя тетя Инко, как он оказался в дюйме от того, чтобы его

бросили в юви, кричала, кричала и кричала. Так привыкший к тому, что Кацуки соответствовал ее крику за криком, его мама взяла на себя ответственность

заполнить пробел, который он оставил, крича все громче и громче, все дольше и дольше, пока его отец не высунул голову из их спальни, чтобы поглазеть на

одностороннюю тираду.

Как только его мать, наконец, хрипло закричала, в доме воцарилась тишина. Впервые осознав, что Кацуки на самом деле не произнесла ни слова за всю свою

тираду, Мицуки смущенно моргнула ему и спросила: «Ну? Что ты хочешь сказать?

— Что я должен сказать? — тихо сказал Кацуки. «Я облажался, я понимаю. Единственное, что я могу сделать сейчас, это притвориться, что это не так, и надеяться,

что меня не арестуют».

Оба родителя были ошеломлены его спокойным заявлением. Почувствовав, что лекция окончена, Кацуки отвернулся и сказал: «Я иду спать».

Только когда его голова коснулась подушки, он понял, что у него все еще есть гель для волос, но он слишком устал, чтобы заботиться об этом. Быстрый утренний

душ перед школой избавился от него, но Кацуки по привычке повторно нанесла прическу Best Jeanist. Необходимость отжиматься до тех пор, пока его руки не превращались в желе каждый раз, когда он забывал, заставила эту привычку прижиться.

Прическа, столь неуместная для Кацуки, была замечена в тот момент, когда он вошел в дверь. Кирисима подошел к нему и сказал: «Вау, твои волосы выглядят

странно! Пытаешься подражать своему сэнсэю?

Кацуки не рассердился. Объективно, он знал, что из всех людей, комментирующих его прическу, он должен быть отмечен в Shitty Hair, но обучение гелю для волос

сделало свое дело. Теперь, когда его разум прояснился, Кацуки мог подумать о том, как он хотел бы ответить. Вспомнив совет Беста Джиниста, он решил, что хочет разозлиться.

Как будто щелкнул выключатель, его волосы вернулись в свою естественную колючую форму. — Теперь ты выглядишь странно, Кирисима? — прорычал Кацуки.

«Вау, он снова выскочил! Как ты - подожди, ты только что назвал мое имя?

— Да, что из этого?

«Чувак, ты всегда называл меня колючими волосами. Я думал, тебе трудно запомнить имена.

Кацуки ухмыльнулся и сказал: «Я не мог продолжать называть тебя колючими волосами, когда в моем было больше геля для волос».

Кирисима ухмыльнулся и хлопнул его по спине. «Должен сказать, что прилизанный взгляд вам совсем не подходит. Так твои волосы выглядят лучше».

«То же самое и с тобой. Нет ничего мужественнее, чем возможность проткнуть кого-то своей прической».

Кирисима выглядел так, как будто он подарил ему мир. Кацуки заметил, что остальная часть класса бросает на него оценивающие взгляды, но он был милостиво избавлен от дальнейшего изучения прибытием Деку. В то время как класс преследовал его за подробности о его стажировке, Кацуки проскользнул на свое место и

стал ждать начала занятий.

Когда наступил обед, Кацуки сел на свободное место рядом с Каминари и Минетой. Заправляя свиную котлету, Минета сказал: «Ты выглядишь намного лучше, чем

обычно. Что-то случилось?

— Ты хочешь, чтобы я разозлился?

Минета побледнел и спрятался за пакетом молока. «Нет, я имею в виду, что с этим не то чтобы было что-то не так, я просто подумал, что это немного странно, вот и

все».

Каминари оглядел его с ног до головы. — Минета права. В прошлом году вы бы взорвали класс, если бы кто-то подшучивал над вашими волосами. Что-то случилось?

Кацуки не собирался никому рассказывать о The Talk, но он знал, что лучше не пытаться уклониться от вопроса. Лучше дать какую-то версию правды, чем позволить

людям придумывать какие угодно истории.

— Со мной говорил какой-то смысл, — сказал он неохотно. «И я решил, что больше не хочу быть придурком».

Минета посмотрел на него так, словно у него выросла вторая голова, а Каминари улыбнулся и хлопнул его по плечу. «Молодец! Итак, я предполагаю, что это был

герой, под которым вы стажировались, э-э, помог вам с этим?

Кацуки пожал плечами, не доверяя себе. Каминари кивнул и спросил: «Как прошло патрулирование с ним? Или ты остался с закадычным другом?

Скрывая гримасу, Кацуки сказал: «Я не патрулировал».

— Нет? — сказал Минета. «Повезло! Было утомительно ходить повсюду». Вздвогнув, Минета добавила: «Хуже всего то, что каждый раз, когда Полночный сэнсэй

ловил меня на том, что я смотрю на кого-то, она...» его голос стал слишком тихим, чтобы Кацуки мог его услышать. Зная героя с рейтингом R, Кацуки не был уверен,

что хочет узнать, что она думает о наказании.

— Ну, тогда что ты сделал? — спросил Каминари.

«Укладка волос».

Оба его друга на мгновение тупо уставились на него. — Подожди, вот и все?

Нет, это было не так, но он унес с собой в могилу гелевую тренировку для волос. Прежде чем он успел что-то уточнить, Кирисима подошел к их столику и спросил: «Эй, ребята, не возражаете, если я присоединюсь к вам?»

— Конечно, продолжай, — сказал Каминари с улыбкой. Самодовольное выражение появилось на его лице, когда он сказал: «Кацуки только что рассказывал нам, как

он провел стажировку, укладывая волосы».

Минета выглядел готовым вскочить со своего места. Кацуки почувствовал, как в нем закипел гнев, но он остыл так же быстро, как и появился. Кирисима

ухмыльнулся и сказал: «Ты был с Best Jeanist, верно? Я использую его гель для волос и краску, лучшие вещи по их цене. У него должны быть лучшие кончики волос».

Оттуда Кацуки обнаружил, что говорит обо всех укладках волос, которые он делал. Небрежный комментарий о туши для ресниц выявил остальную часть нанесения макияжа, которую он тактично избегал. Минета сделал несколько уколов по поводу нанесения помады на парней, но, увидев, как другие парни с нетерпением

слушают о стажировке Кацуки, он воздержался от насмешек над навыками Кацуки как стилиста. Точно так же, как Кацуки почувствовал, что его гнев поднимается. Сначала ему было неловко, и он очень надеялся, что они не поймут половину упражнения по управлению гневом, но по какой-то причине его одноклассники нашли

его рассказы о нанесении макияжа захватывающими. К концу он действительно почувствовал, что расслабился.

«Кто бы мог подумать, что так много работы уходит на то, как выглядят герои», — сказал Каминари. «Мой герой на самом деле не придавал этому большого значения,

но я думаю, что если вы похожи на Лучшего Джиниста, это действительно важно».

«Да, ваша стажировка звучит действительно круто», — сказал Кирисима. «Не супер мужественный, я думаю, не такой, как у Мидории. Вы, ребята, слышали о Хосу,

верно?

И точно так же исчезло хорошее настроение Кацуки от того, что он обнаружил, что его одноклассники не только заинтересованы в укладке волос, которую он

делает, но и впечатлены ею. Конечно, он слышал о Хосу. Все и их матери видели дрожащие кадры с камер, на которых темнокожие монстры разрушают здания и

трясут закадычными друзьями, как собачьими игрушками. Было даже видео, на котором Изуку пикирует, чтобы поймать десять человек в воздухе. Он оборвался до

того, как трое, которых он пропустил, упали на землю. Кацуки занялся едой, в то время как разговор перешел к Лиге Злодеев.

На следующий день в школе Кацуки понял, что что-то не так. Он так долго сосредотачивался на Деку, что делал это инстинктивно, и это было свидетельством того,

насколько непоколебимо мягким стал Изуку, что малейшее изменение в эмоциях регистрировалось на радаре Кацуки.

Сначала Кацуки решительно пытался игнорировать это. Однако по мере того, как урок продолжался, он обнаружил, что смотрит в сторону на Деку, задаваясь

вопросом, что именно заставило его нервничать. Внешне он казался таким же спокойным и сдержанным, как обычно, нетронутым окружающим миром. Тем не менее, Кацуки подумал, что спокойная внешность казалась хрупкой. Что-то сломалось внутри него, как это было десять лет назад, когда врач разрушил его мечты.

Кацуки вспомнил видео Хосу и подумал, было ли это из-за той ночи. Однако это не объясняет, почему он не заметил этого вчера. Что-то случилось вчера? Он

попытался заглушить вопросы, гудящие в его голове. Он должен был помнить, что находится на тонком льду. Если бы Деку сделал что-нибудь, это разрушило бы его шанс стать героем.

За обедом он увидел, как Деку взял недоеденный кацудон и оставил позади толпу сбитых с толку друзей. Кацуки признал это исчезновение. Он слишком много раз

видел его конец в средней школе. Многолетний опыт научил его, что, когда Деку так исчез, его уже не найти. Это было не из-за того, что он не пытался с его

стороны. Тот факт, что Деку смог так легко стать его призраком, еще больше разозлил его в те времена, когда он, казалось, позволил себя найти.

Кацуки осмотрел кафетерий, любопытствуя, что вызвало реакцию. Через несколько секунд Ашидо подошел к пустому дому Деку, оглядел кафетерий и пошел следом

за тем, куда указала Кода.

Он знал, что должен держаться подальше от этого. Это не мешало ему проворчать о перерыве в туалете перед Кирисимой и пойти за ней. Он догнал Мину, когда

она задержалась возле туалета, без сомнения, думая, что Изуку прячется там. Зная Изуку, он не был рядом с ними.

— Рак-Ашидо-сан, — Кацуки пробормотала свое имя. «Что-то случилось между вами и... его?

Ее челюсть сжалась, а глаза сузились. «Это ничего. Почему тебя это волнует?

Почему его это волновало? Даже после того, как он говорил об этом все лето, он все еще понятия не имел. Отношение Изуку разозлило его, но всякий раз, когда он

пытался выразить это словами, его язык дрогнул.

Кацуки усмехнулся и обернулся. «Хорошо, но ты зря тратишь время. Его давно нет».

— Что ты имеешь в виду, что он давно ушел? — спросила Мина. — Ты знаешь, куда он пошел?

«Черт возьми, если я знаю. Я никогда не мог найти его, когда он стал таким».

Какое-то мгновение Ашидо нервно смотрела на него, явно споря сама с собой. Глубоко вздохнув, она спросила: «Ты ходил с ним в среднюю школу, верно?»

Дерьмо. Сколько Изуку сказал ей? Догадалась ли она? Выгонят ли его, если одноклассники поймут, что он натворил?

«Да, не то чтобы мы были близки или что-то в этом роде, почему?»

— Ты знаешь, почему он нервничает?

Изуку, нервничаешь? Он не видел, чтобы Изуку нервничал, не говоря уже о каких-либо других эмоциях, с того дня, через некоторое время после того, как ему поставили диагноз «Без причуд». Нет, подожди, он несколько раз видел, как он нервничал рядом с ней. Он выбросил это из головы, сосредоточившись на спортивном фестивале, но теперь, когда Мина подняла эту тему, он вспомнил. Несколько раз его маска падала, и каждый раз она была рядом с ней.

Часть его умирала от желания копнуть глубже. Он знал, что с Изуку что-то не так, и это была самая большая зацепка, которую он когда-либо видел с тех пор, как

все пошло не так. Черт возьми, он мог бы даже понять, почему все, что связано с Изуку, так разозлило его.

Он глубоко вздохнул. В. Вне. Он собирался стать героем. Он не мог позволить себе возмущаться из-за того, с кем перестал дружить много лет назад. Он должен был отпустить это.

«Я не знаю, и мне все равно. Что бы ни случилось, я держусь подальше от этого».

Ашидо пристально посмотрела на него, но ей не хватало слов. Она прошла мимо него, едва не столкнувшись плечами, и поспешила обратно в кафетерий.

Кацуки прошел в мужской туалет. Из любопытства он огляделся вокруг, задаваясь вопросом, подслушивает ли Изуку все это, но он действительно ушел. Ему не нужно было пользоваться туалетом, но он все равно чувствовал себя обязанным сходить в туалет, как будто для того, чтобы избавиться от лжи.

Остановившись у зеркала, Кацуки уставился на себя. Мышцы сжались вокруг его челюсти и скул, но его глаза казались скорее усталыми, чем сердитыми. Достав

гель для волос из кармана, Кацуки нанес несколько легких прикосновений к волосам, ровно настолько, чтобы он почувствовал, как они рассыпаются, если он выйдет из себя, сохраняя при этом их фирменную колючую форму.

Возвращаясь в кафетерий, Кацуки твердо сказал себе, что он перестал заикливаться на своем друге детства. Он оставит Изуку позади, как бы ему ни было тяжело.

Мине не хотелось сидеть с друзьями. Она чувствовала себя достаточно ужасно из-за того, что Изуку избегал ее, и не хотела, чтобы кто-то задавал вопросы. Она

нашла свободное место, но Цую быстро присоединилась к ней.

— Ты рассталась с ним, — сказала она прямо.

Мина застонала и уткнулась лицом в его объятия. «Я думаю, что он тяжело воспринял это. Я не хотел, чтобы он это делал, я не думал, что ему комфортно, ну, двигаться вперед, поэтому я думал, что все будет хорошо. Теперь он избегает меня, я не могу извиниться перед ним, и я чувствую себя мудаком».

«Наверное, лучше дать ему немного пространства. В конце концов, ты только что рассталась с ним.

«Да, но я все равно хотел дружить! Он классный, просто... не материал для парня, я думаю. О, я напортачил.

«Если вы решили расстаться с ним, это, вероятно, был правильный выбор. Отношения, в которых вы не хотите быть, не сработают ни для одного из вас».

Мина подняла на нее глаза из рук. — Как ты стал таким мудрым в романтике?

Цую пожала плечами. «Это просто здравый смысл».

Тодороки подошел и спросил Цую: «Ты хочешь посидеть вместе? Я не знаю, как устроены свидания, но я думаю, что это то, что обычно происходит».

Мина ухмыльнулась Цую, когда она оттолкнула его, сказав, что у Мины есть кое-что личное, чтобы спросить ее. Как только он ушел, Мина сказала: «Ты и Тодороки? Должен сказать, я не ожидал, что он придет».

Цую пристально посмотрела на нее. «Скажи что-нибудь об этом, и я заправлю твой костюм пищевой содой».